

На правах рукописи

ТАРАСОВА Елизавета Игоревна

НОМИНАТИВНЫЙ БИНОМ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ПРИ ВЕРБАЛЬНОЙ
РАЗДЕЛЬНООФОРМЛЕННОСТИ

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2007

Работа выполнена на кафедре английского языка в ГОУ ВПО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Залевская Александра Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
Уфимцева Наталья Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
Гурьяшкина Алевтина Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»

Защита состоится « ___ » _____ 200_ года в ___ час. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Автореферат разослан « ___ » _____ 200_ г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

Маскадыня В.Н.

В центре внимания диссертационного исследования «Номинативный бинომ в свете проблемы концептуальной целостности при вербальной раздельнооформленности» находятся концептуальные образования, которые в языковом выражении имеют структуру N+N.

Отечественные ученые внесли большой вклад в развитие теории словосочетания в целом и в разработку проблемы N+N структур в частности. Этой проблемой в 50-80-е гг. прошлого века занимались такие лингвисты, как А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, И.В. Арнольд, С.Г. Тер-Минасова, В.М. Павлов, М.В. Панов, О.Н. Труевцева, А.В. Кунин, В.М. Жирмунский, О.Д. Мешков, Б.А. Ильиш, Л.С. Бархударов и многие другие. Исследования того времени велись с позиции, принятой в дескриптивном подходе, и одним из основных вопросов, который решался в рамках проблемы N+N образований, был вопрос об их принадлежности к морфологическому или синтаксическому уровням языковой системы.

Акцентирование внимания на N+N структурах английского языка создало иллюзию того, что такие образования характерны только для языков типа английского. Однако существование соотносимых аналитических образований, которые имеют диффузный, переходный характер, отмечается в разных языках, например, в голландском, датском, немецком, китайском, корейском, итальянском, французском, индонезийском, бирманском, вьетнамском, африкаанс, русском и др. Практически во всех последних исследованиях на материале «Больших корпусов» разных языков отмечается резкое увеличение продуктивности паттерна, основанного на соположении двух существительных в общем падеже. Это объясняется увеличением количества заимствований (в первую очередь из английского языка). Однако в некоторых языках (как, например, в русском, итальянском и французском) можно говорить о возникновении новой словообразовательной модели. Количество композитных рядов с заимствованными словами в качестве начальных и вторых компонентов является подтверждением этому. Например, лексические единицы типа *бизнес-леди*, *гей-кафе* могут быть как заимствованиями, так и сложными словами, возникшими в системе русского языка под влиянием английского. Это определяет *актуальность* исследования образований названного типа.

Общая тенденция к увеличению количества подобных единиц в разных языках делает проблему номинативных бинарных образований чрезвычайно интересной для общетеоретического рассмотрения, и не случайно современные исследования в этом направлении ведутся в разных языках.

Возобновившийся интерес ученых к указанной проблеме обусловлен антропоцентризмом современной лингвистики и общей ориентацией на индивида как активного участника речемыслительной деятельности. В свете когнитивного подхода старая проблема приобретает актуальность благодаря смещению ракурса рассмотрения N+N структур как наблюдаемых результатов манифестации когнитивно целостных, холистических образо-

ваний глубинного уровня отдельными вербальными средствами. Соположение существительных может пониматься как проявление одного из основных глубинных процессов – процесса концептуального комбинирования. Как отмечают Е.С. Кубрякова, Е.Я. Режабек, Р. Джекендорф, С. Пинкер, Р. Либер, представление целостных (хотя и производных, вторичных) концептов многословными структурами может быть объяснено тем, что такой способ является базовым и, следовательно, наиболее доступным для нашего языкового сознания.

Нами принята позиция, согласно которой образования со структурой N+N следует рассматривать как отдельный морфологический класс [Смирницкий 1956; Кунин 1970; Труевцева 1986], единицы которого характеризуются следующими признаками:

- бинарная структура, именующая единое, нерасчлененное понятие;
- закрепленный смыслообразующий порядок слов на уровне одной единицы (ср. *oil lamp* и *lamp oil*);
- асимметрия грамматического и семантического наполнения компонентов (первый компонент несет на себе большую смысловую нагрузку);
- реализация способности первого компонента выступать в качестве определения без предлога **только** в рамках анализируемой структуры;
- имплицитность признака, передаваемого зависимым компонентом структуры.

Принимая во внимание перечисленные особенности N+N образований, представляется оправданным использование термина номинативный бином (далее – НБ) [Труевцева 1986], поскольку он отражает бинарную структуру рассматриваемых образований («бином» - гр. *bi* – два, *nomos* – часть, член) и их функцию в языке (номинация, название). Использование этого термина также позволит избежать трудностей при рассмотрении подобных структур в других языках.

Объектом исследования выступают закономерности актуализации определенных когнитивных структур в процессе идентификации значения НБ. *Предметом* исследования настоящей работы явились особенности понимания рассматриваемых лингвистических единиц, проявляющиеся в процессе их интерпретации и перевода носителями английского языка и билингвами. Интерпретация и перевод рассматриваются и как особые виды речемыслительной деятельности, и как особые (хотя и косвенные) средства, сигнализирующие о глубинных мыслительных процессах, задействованных при понимании НБ носителями английского языка, владеющими русским языком, и русско-английскими билингвами.

Целью теоретико-экспериментального исследования явилась проверка рабочей гипотезы, согласно которой при вербальной раздельноформ-

ленности N+N структур может иметь место когнитивная целостность/раздельность, проявляющиеся в разной степени у разных сочетаний.

Для достижения поставленной цели в реферируемой работе ставился ряд теоретических и экспериментальных *задач*:

- изучить различные теоретические подходы к проблеме и дать их критический анализ;
- выяснить, представляют ли анализируемые единицы однородный класс или они могут быть разделены на подклассы;
- рассмотреть возможные способы исследования, разработать методику проведения эксперимента;
- провести экспериментальное исследование и дать анализ результатов;
- выявить закономерности в идентификации значения носителями английского языка и билингвами, наблюдаемые в результатах эксперимента, с целью соотнесения их с предположением о когнитивной целостности/раздельности анализируемых единиц;
- провести межъязыковое сопоставление полученных данных с результатами исследований соотносимых образований в других языках (голландском, датском, немецком, китайском, корейском, итальянском, французском, индонезийском, вьетнамском).

Основным *методом*, использованным для проверки рабочей гипотезы, является эксперимент. Доминирующими *методами*, с помощью которых осуществлялась интерпретация данных, полученных в результате многоэтапного экспериментального исследования, явились анализ и синтез, сравнение и систематизация. Применялся также метод анализа ошибок.

Материалом исследования послужили 40 НБ английского языка, при этом 20 единиц представляли собой атрибутивные НБ и 20 – релятивные НБ. Отбор материала осуществлялся на основе публикаций зарубежных авторов для того, чтобы избежать неоднозначности принадлежности НБ к тому или иному подклассу и для дальнейших межъязыковых сопоставлений. В эксперименте принимали участие 100 испытуемых (далее – ии.), из них 50 находящихся в России носителей английского языка – американских студентов, для которых русский язык является иностранным, и 50 носителей русского языка, изучающих английский язык в качестве специальности. Уровень владения иностранным языком различными группами ии., половые и возрастные характеристики учитывались при подборе участников эксперимента. В результате проведенного эксперимента от ии. было получено 11416 ответов.

Теоретической основой работы послужили исследования, посвященные изучению места и функционирования N+N образований в системе английского языка (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, И.В. Арнольд, С.Г. Тер-Минасова, Л. Блумфилд, О. Есперсен и др.), работы по проблеме соотносимых единиц русского и немецкого языков (В.М. Павлов, М.В. Панов),

теории и модели идентификации значения анализируемых единиц (P. Thagard, K. Verbeurgt, F. Costello, M. Kean, E. Wisniewski, B. Love, A. Markman, C. Gagne, G. Murphy, R. Gerrig, D. Gentner и др.), когнитивная теория концептуально-интегрированных сетей (G. Fauconnier, M. Turner), психолингвистическая теория значения слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека (А.А. Залевская).

На защиту выносятся следующие теоретические положения.

- На примере номинативных биномов английского языка выявлена необходимость их подразделения как минимум на две группы в соответствии с их семантическим наполнением: релятивные номинативные биномы и атрибутивные номинативные биномы.
- Понимание названных видов рассматриваемых структур реализуется посредством различающихся процессов идентификации их значения, что проявляется при их толковании средствами русского и английского языков.
- Привлечение теории концептуально-интегрированных сетей для объяснения процессов идентификации значения номинативных биномов разных видов позволяет объяснить возможность когнитивной целостности номинативных биномов при их вербальной раздельнооформленности.

Научная новизна исследования определяется комплексным (теоретическим и экспериментальным) подходом к проблеме N+N образований. Экспериментальное исследование с участием билингвов дало возможность провести межъязыковое сопоставление структур в английском и русском языках. Сочетание комплекса исследовательских процедур позволило выявить глубинные процессы, задействованные в процессе идентификации значения НБ разных подклассов и установить определенные закономерности идентификации значения рассматриваемых языковых единиц в английском и русском языках.

Теоретическая значимость исследования обусловлена эффективностью сочетания теории концептуальной интеграции с основными положениями когнитивно-ориентированных подходов к проблеме концептуального комбинирования в целом и к НБ в частности.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его выводов для дальнейших исследований проблем понимания подобных единиц в разных языках, а также в преподавании языков (в том числе иностранных).

Апробация результатов исследования осуществлена на Всероссийской научно-практической конференции «Состояние и перспективы лингвистического образования в современной России» (2006); на XV международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (2006); на V ежегодной международной конференции Национального об-

щества прикладной лингвистики «Языки в современном мире» (2006); на заседаниях кафедры английского языка Тверского государственного университета; на Всероссийском конкурсе аспирантских работ по когнитивной лингвистике (2006).

По теме диссертации опубликовано 12 работ общим объемом 4,3 п.л. из них две работы опубликованы в рецензируемых изданиях.

Цели и задачи проведенного исследования определили объем и структуру работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложений, в которых представлены материалы эксперимента и его результаты.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируется объект и предмет исследования, определяются его цель, задачи, методы.

В первой главе диссертации «Различные подходы к проблеме непредикативных словосочетаний» дается обзор основных точек зрения на проблему НБ, существующих на сегодняшний день в отечественной и зарубежной лингвистике; обсуждаются достоинства и недостатки современных теорий; рассматривается роль анализируемых единиц в речевой деятельности человека; проводятся параллели с другими языками.

В разделе 1.1. «Традиционный подход к проблеме непредикативных словосочетаний» на примере английских НБ обсуждается проблема, связанная с определением статуса N+N образований. Рассматриваемые единицы могут быть определены и как словосочетания, и как сложные слова в силу того, что все предлагаемые критерии для разграничения сложного слова и словосочетания в разных языках при тщательном анализе оказываются довольно условными. Важным является предположение о прямой зависимости статуса N+N образований от частеречной принадлежности первого компонента. Однако сложность проблемы таких образований заключается в том, что существующая возможность атрибутивной функции для имени существительного в общем падеже без предлога и парадигматическая неформленность прилагательного в английском языке порождают трудности в категориальной локации первого элемента в подобного рода словосочетаниях, что также актуально и для других языков аналитического типа. В данном разделе также рассмотрены условия и механизм перехода НБ из свободных образований в устойчивые и показана необходимость изучения подобных единиц и в синхронном, и в диахроническом аспектах.

Характерно, что в дескриптивных подходах отмечается игнорирование семантических связей между компонентами устойчивых образований, поскольку они видятся несущественными для решения задач определения

статуса структуры в системе языка. Однако данная проблема актуальна для представляемой диссертации, где семантические отношения рассматриваются как ключ к пониманию таких структур индивидом.

Проблема семантических отношений между компонентами поднималась в отечественной лингвистике, однако тщательного анализа не получила. Важность изучения N+N структур с этой позиции была отмечена Б.Ю. Городецким [Городецкий 1969] при рассмотрении проблем семантической типологии. Семантическое отношение, связывающее значение элементов N+N образований, однозначно определяет содержание целого. Значения структур варьируются благодаря реализации различных семантических реляций. Однако определение семантических отношений не позволяет решить проблему разграничения сложного слова и словосочетания, поскольку одно и то же отношение может встречаться и в морфосемантических (sunlight), и в лексико-семантических (candle light) комплексах.

Подводя некоторые итоги изучения и анализа традиционных подходов к проблеме N+N структур в разных языках можно сказать, что наиболее обоснованными представляются точки зрения А.И. Смирницкого [Смирницкий 1956] и А.В. Кунина [Кунин 1970], подтвержденные также выводами О.Н. Труевцевой [Труевцева 1986] о том, что образования такого типа следует рассматривать и изучать как отдельное явление в структуре английского языка, что справедливо и для соотносимых аналитических образований в других языках.

В разделе 1.2. «Современные подходы к проблеме словосочетаний: достоинства и недостатки» анализируются новейшие теории, в центре исследования которых стоят образования N+N (номинативные биномы). Наиболее актуальными являются вопросы, связанные с ментальными процессами, управляющими идентификацией значения указанных лексических единиц, и алгоритмами этих процессов; с особенностями восприятия таких единиц в зависимости от различных факторов. Основными заслуживающими внимания теориями на сегодняшний день являются теория когерентности лексических единиц [Thagard: <http>]; теория двух процессов [Wisniewski 1997]; релятивная теория [Gagne & Shoben 1997], которая дала основание для развития психологической модели релятивной теории [Gagne 2001]; теория ограничений [Costello & Kean 2000]. Каждая из этих теорий отводит решающую роль различным внутренним процессам, определяющим механизм понимания указанных единиц.

Современные подходы к проблеме идентификации значения могут быть существенно дополнены некоторыми положениями теории концептуально-интегрированной сети (далее – теория КИ), или теории множественных пространств, предложенной Ж. Фоконье и М. Тернером [Fauconnier & Turner 1998; 2002]. Эта теория представляет определенный интерес для решения проблемы N+N образований. Основные понятия теории КИ (картирование, ментальная репрезентация, общеродовое пространство, концеп-

туальное слияние, входное пространство, сращение, межполевое картирование и т.д.) в разной степени применимы при рассмотрении процессов, управляющих пониманием НБ. Теория КИ позволяет выйти на проблему когнитивной целостности понятия, вербально представленного многословной структурой.

Объясняя многие глубинные процессы, связанные с пониманием НБ, теория КИ все же не может служить универсальным средством решения всех вопросов по указанной проблеме. Ее сфера действия ограничивается атрибутивными НБ, которые, обладая высокой степенью образности и эмоциональной окрашенности, представляют собой метафорические образования.

В разделе 1.3. «N+N в русском языке» отмечается актуальность проблемы номинативных непредикативных бинарных образований в русском языке. Исходя из особенностей аналитических образований N+N в английском языке, логично предположить, что соотносимые единицы русского языка должны обладать теми же характеристиками. К таким единицам относятся образования типа *ковер-самолет* или *стиль модерн*. В лингвистической литературе они обычно обозначаются как «компози́ты» или «а́дъективно-именные компози́ты» (далее – АК) и рассматриваются наряду со сложными и сложносокращенными словами и аббревиатурами. Первые компоненты аналитических образований типа *какао-порошок*, *цунами-станция*, *мини юбка* определяются как неизменяемые языковые единицы, которые по своей природе носят диффузный характер: в них стираются грани между разными частями речи, между самостоятельными словами и частями слов. В таких структурах место суффиксального относительного прилагательного занимают компоненты, совпадающие с существительным [Караулов 2003].

Взаимодействие русского языка с другими языками (первое место среди которых принадлежит английскому) отражается в изменениях его словарного состава. На лексическом уровне изменения проявляются в увеличении количества заимствований; наблюдаются такие явления, как усиление аналитических тенденций в русском языке, формирование новых словообразовательных моделей и появление новых словообразовательных формантов [Шагалова 2003]. Этим и объясняется значительный рост количества АК в современном русском языке.

В рамках реферируемого исследования наиболее актуальными являются вопросы, связанные с паттернами образования рассматриваемых единиц и их функционирования в языке, а также с распределением смысловой нагрузки между составляющими бинорма и значениями, которые они передают. Анализ литературы по названной проблеме показал, что количество авторов, рассматривающих место, роль и проблематику подобного вида словообразования с позиции когнитивно-ориентированной лингвистики и

теории номинации, ограничено лишь отдельными теоретическими работами (см. например [Кубрякова 1981; 1997; Улуханов 1996]).

АК русского языка характеризуются сложной внутренней реляционной структурой, вследствие чего анализируемые образования несут большую информационную нагрузку. Значительный объем информации свернут в компактную структуру, понимание которой включает в себя ее развертывание посредством трансформации (ср. *bowling sweater* – ‘sweater worn for bowling’ и *боулинг-свитер* – ‘свитер для игры в боулинг’). Также соотносимым выглядит то, что АК русского языка, как и НБ английского, явно подразделяются на группы.

Различия между соотносимыми образованиями в русском и в других языках прежде всего проявляются в сферах их использования. НБ используются без ограничений независимо от стиля или сферы коммуникации, в то время как использование АК в русском языке не так широко (язык СМИ, научная терминология, молодежный новояз). Это объясняется ненормативностью АК относительно строя русского языка. К тому же, принимая во внимание тенденцию к простоте выражения мысли, АК представляются слишком сложным образованием, декодирование их значения предполагает задействование дополнительных ментальных процессов. Номинативные подчинительные комбинации «имя прилагательное + имя существительное» обеспечивают более простой путь к информационной базе индивида, являются средством видовой дифференциации общих классов предметов и в значительной степени удовлетворяют потребность описания предметов и явлений окружающего мира, придания им квалифицирующих характеристик и выражения их оценки говорящим.

Специфическим свойством атрибутивных словосочетаний с относительным прилагательным считается их монореферентность, под которой понимается цельность «... составной (словосочетательной) единицы рассматриваемого типа...» [Павлов 2004: 253]. Функционально-семантическая цельность словосочетания с относительным прилагательным обеспечивается особой семантической емкостью атрибутивного члена словосочетания. Значение относительного прилагательного сводится к выражению некоего предметного отношения, которое становится основой выражения комплексной качественной характеристики типа предметов, выделяемых словосочетанием в целом из «объема» понятия, которое обозначается его главным членом [Павлов 1960].

Во второй главе «Экспериментальное исследование особенностей идентификации значения номинативных биномов» на примере английских N+N структур анализируются особенности процессов, задействованных при понимании НБ; исследуются факторы, влияющие на эти процессы; проводится сопоставление единиц русского и английского языков.

В разделе 2.1. «Вводные замечания» представлены цели проведения эксперимента и рабочая гипотеза, согласно которой понимание НБ пред-

полагает развертывание имплицированных в них семантических отношений между конститuentами, при этом различные виды НБ предполагают задействование различных видов глубинных процессов, имеющих место при идентификации их значений. Различия в процессах идентификации значения анализируемых единиц должны проявляться на вербальном уровне. В результате установления смысла бинарных образований в сознании индивида возникает концептуально-целостный образ предмета или явления, передаваемого НБ; этот образ формируется посредством привлечения знаний индивида, его личного опыта, эмоциональных переживаний, при этом ведущую роль играет семантика зависимого компонента НБ.

В разделе 2.2. «Организация экспериментального исследования» обосновываются условия проведения эксперимента и выбор заданий, в число которых входило определение когнитивной целостности/раздельности понятий, интерпретация изолированных НБ и НБ, предъявленных в мини-контекстах, перевод изолированных НБ. Эксперимент проводился поэтапно, в письменной форме. Всего использовалось 40 НБ. С целью обеспечения «чистоты» эксперимента между I, II, III и IV этапами были установлены промежутки в 3-4 месяца. В эксперименте принимали участие 50 носителей английского языка, владеющих русским языком (далее – Аии.), и русско-английские билингвы (далее – Рии.). Сводные данные об этапах эксперимента, количестве предъявлявшихся НБ английского языка на каждом этапе исследования и полученных ответов приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Этап	Участники эксперимента	Кол-во стимулов	Кол-во ответов	Вид работы
I	Аии.	40 (20+20)	2000	Установление когнитивной целостности/раздельности понятий
	Рии.	40 (20+20)	2000	
II	Аии.	20 (10+10)	972	Интерпретирование изолированных словосочетаний
	Рии.	20 (10+10)	974	
III	Аии.	20 (10+10)	997	Интерпретирование словосочетаний в контексте
	Рии.	20 (10+10)	979	
IV	Аии.	40 (20+20)	1760	Перевод изолированных словосочетаний
	Рии.	40 (20+20)	1734	
Всего:			11416	

В разделе 2.3. «Этапы проведения эксперимента и обсуждение результатов» на основании данных, полученных после выполнения заданий отдельных этапов эксперимента, приводятся выводы относительно различий в восприятии разных НБ Аии. и Рии.; высказываются предположения о факторах, оказывающих влияние на понимание НБ разными группами ии.

Данные первого этапа эксперимента указывают на то, что тенденция к определению релятивных НБ как сочетаний, обозначающих один пред-

мет, в целом выше и дает достаточно ясную картину. Для атрибутивных НБ такой четкой тенденции не наблюдается, что в принципе подтверждает предположение о различиях в восприятии атрибутивных и релятивных НБ. Интересно также отметить следующее: чем более знакомым выглядит сочетание компонентов в атрибутивном НБ, тем чаще они определяются как обозначающие один предмет (IRON FIST, SILK HAIR), а чем более семантически отдаленные понятия представлены в составе НБ, тем выше вероятность того, что сочетание будет определено как обозначающее два предмета (REFRIGERATOR PARENTS, BALLOON PREGNANCY). Та же тенденция наблюдается и при восприятии релятивных НБ. Таким образом, можно сделать вывод, что частота употребления компонентов в составе одного НБ также оказывает влияние на их понимание.

Результаты второго этапа исследования в целом подтверждают гипотезу о различиях в процессах идентификации значения НБ разных видов, что на вербальном уровне проявляется в качественно разных интерпретациях. В интерпретациях релятивных (НБ далее – РНБ) прослеживается выделение отношений между компонентами: BOWLING SWEATER (*свитер для боулинга*) – *a sweater worn for bowling* (отношение цели), TABLE VASE (*настольная ваза*) – *a vase to be placed on the table* (отношение места). При этом следует отметить высокий процент унифицированности интерпретаций (совпадений лексической и структурной сторон).

Данные, полученные от Рии., дают дополнительную возможность для определения особенностей идентификации значения НБ. Особый интерес для изучения представляют собой ошибки, допущенные Рии. при интерпретации РНБ. В отличие от Аии., ошибки Рии. связаны с изменением паттерна интерпретации, когда РНБ интерпретировались посредством выделения некоторого признака зависимого компонента. Например, CONCRETE FOUNTAIN (*бетонный фонтан*) в 52% случаев было интерпретировано Рии. по атрибутивному типу, при этом интерпретации, полученные от Рии., носят черты интерференции родного языка, в котором слово *конкретный* имеет зарегистрированное значение ‘определенный’. В современном русском сленге слово *конкретный* имеет также значение ‘неординарный, настоящий’. В половине интерпретаций по атрибутивному типу прослеживается значение ‘определенный’ (*a certain fountain*), в другой половине – ‘настоящий’ (*a massive, solid, big, well-built fountain*). Этот пример наглядно показывает, что для билингва немаловажным фактором при понимании иноязычного НБ является наличие в родном языке фонетически схожего слова, которое может либо интенсифицировать процессы понимания (при совпадении значений), либо направить понимание по ложному пути. Следует также отметить фактор реализации одного из значений многозначного слова. Приведенный случай является примером работы когнитивного механизма актуализации значения по внешнему сходству признаков, когда незнание той или иной когнитивной структуры, стоящей за ино-

язычным НБ, приводит к употреблению «русской» когнитивной структуры. «Внешне одинаковые языковые формы фиксируют разное ментальное содержание, а потому это разные когнитивные структуры» [Романовская 2004: 161], следовательно, подобные ошибки объясняются «сбоем» в работе механизма языковой способности. Рассматриваемый пример наглядно демонстрирует влияние уровня компетентности в родном и изучаемом языках на процесс понимания анализируемых единиц.

Интерпретации атрибутивных НБ (далее – АНБ), полученные от обеих групп ии., показывают, что идентификация значения происходит в соответствии с паттерном, который схематично можно представить как «ПРИЗНАК + ПОНЯТИЕ». В вербальном выражении признак может быть представлен именем прилагательным (SILK HAIR – *soft/smooth/shiny/healthy/etc. hair*) или сравнительной структурой (ROCKET SPRINTER – *a sprinter who runs like a rocket*). Если для релятивных интерпретаций характерно практически полное совпадение вербальной экспликации, то при интерпретации АНБ совпадения лексической стороны практически не наблюдается. В рамках когнитивного подхода, где продуцент речи рассматривается как один из центральных объектов исследования, несовпадение вербальных выражений значения объясняется различиями в концептуальном представлении знания у разных индивидов.

Выделение того или иного признака первого компонента обусловлено двумя факторами: 1) субъективным восприятием индивидом того, что называет первый компонент; 2) структурой концепта, манифестированного главным компонентом. Иными словами, выделение наиболее рельефного признака зависимого компонента ограничено ментальной репрезентацией главного.

Для изучающих английский язык как иностранный семантическая прозрачность отношений играет важную роль как при усвоении самих НБ, так и при усвоении паттернов построения таких единиц.

При контекстном предъявлении РНБ интерпретируются несколько иначе, чем при изолированном. В обеих группах ии. увеличилось количество интерпретаций, в которых происходит замена паттерна релятивной интерпретации на паттерн атрибутивной: GLASS ROSE (*стеклянная роза*) – *an artificial, fake rose*. Также увеличилось количество интерпретаций, включающих личностную оценку и привлечение индивидуального опыта: MICROWAVE SANDWICH (*бутерброд, разогретый в микроволновой печи*) – *fast food*. Можно видеть качественные изменения в интерпретации, обусловленные влиянием такого фактора, как контекст. Такие изменения подтверждают предположение В.М. Павлова о возможности манифестации монореференции/референции одного и того же словосочетания при взаимодействии с разными контекстными формами [Павлов 2004: 254].

Анализ интерпретаций разных видов НБ показал, что в большинстве случаев интерпретации сводились к грамматическим трансформациям в

обеих группах ии. Несмотря на всю ценность материала, который представляют грамматические трансформации, они выявляют лишь незначительную часть когнитивных операций, имеющих место при идентификации значения исследуемых языковых единиц. Это определило необходимость проведения дополнительного этапа эксперимента, в котором ии. требовалось передать значения НБ средствами русского языка.

Следуя современным тенденциям в трактовке перевода как речемыслительного процесса, мы рассчитывали получить дополнительную информацию о природе глубинных процессов, имеющих место при идентификации значения НБ английского языка, о факторах, влияющих на их понимание, и провести сопоставительный анализ с русским языком в употреблении языковых средств как показателе специфики процесса идентификации значения исследуемых единиц. При когнитивном подходе перевод определяется как специфический вид речемыслительной деятельности – интегративная когнитивная деятельность. Такой подход прежде всего имеет дело с анализом способов языковой фиксации когнитивных структур, и значение слова рассматривается как особая когнитивная структура, соотношение компонентов которой указывает на языковую/национальную специфику когниции. Когнитивная сущность перевода понимается как «... перекодирующая интерпретация, в которой совмещается и возможность сопоставления языковых систем как семиотических кодов, и обязательная интерпретация этих кодов переводящим индивидом» [Романовская 2004: 46].

Этот этап эксперимента строился на предположении, что различия между НБ разных видов должны проявляться в средствах русского языка, используемых ии. для передачи их смысла, что также может сигнализировать о различиях в глубинных процессах при идентификации значения НБ.

Анализ результатов IV этапа эксперимента подтвердил наше предположение. Обе группы ии. при переводе первого компонента РНБ использовали чаще всего отсубстантивные производные прилагательные, значение которых соотносимо со значениями родительного падежа. То же самое касается предложных конструкций, в которых отношения, выражаемые предлогами, в значительной мере могут ассоциироваться со значениями родительного падежа в английском и русском языках. При этом трудно определить, какое из значений родительного падежа представляло наименьшую или наибольшую сложность для Аии., поскольку процент ошибок и отказов от ответа очень незначителен. Сложности, возникшие у Рии. при переводе НБ, можно объяснить недостаточной англоязычной компетенцией (PANCAKE SPATULA - **начинка для блинов, емкость для пирога*); многозначностью первого компонента (CONCRETE FOUNTAIN – *конкретный/настоящий/бетонный фонтан*); актуализацией значения по внешнему сходству знаков (SYMPATHY BOUQUET – **букет, выражающий симпатию*); отсутствием в русском языке однословной единицы, адекватно передающей значение первого компонента (SAILING HAT – *шляпа для мор-*

ской прогулки); отсутствием в русском языке соответствующего понятия (FLOOR TELEVISION – *подпольное телевидение).

Относительно перевода АНБ можно отметить, что предположение о возможности перевода подобных образований с помощью языковых средств, отличных от тех, которые ии. употребляли для перевода РНБ, также во многом подтвердилось. Обе группы ии. использовали конструкции «относительное/качественное прилагательное + существительное» значительно чаще других конструкций (REFRIGERATOR PARENTS – *холодные родители). Перевод первого компонента предполагает выделение семантически доминантного признака понятия, представленного зависимым компонентом, а понимание и последующий перевод всего НБ требуют картирования этого признака в ментальную репрезентацию понятия, обозначаемого главным словом в русском языке. При этом следует отметить, что признак, выделяемый ии., во многом субъективен. В целом перевод АНБ свидетельствует о наличии более сложных ментальных процессов по сравнению с РНБ. Эти процессы характеризуются выделением признака, характерного для зависимого компонента, и переносом этого признака на главное слово, а также нахождением соответствий как признаку, так и понятию, на которое этот признак переносится в языке перевода. Следует отметить сложность при переводе для Аии., поскольку им необходимо было соотнести все образы, связи, субъективные оценки и т.д., связанные с концептами родного языка, с тем, что они знают о функционировании языковых единиц в русском языке, и передать идентифицированные значения средствами иностранного для них языка. В данном случае можно сказать, что переводы АНБ, полученные от Аии., в значительной мере лимитированы их языковой компетенцией в русском языке.

В отличие от Аии. Ри. довольно часто использовали конструкцию «качественное/относительное прилагательное + существительное» для перевода РНБ: ONION TEARS – *горькие слезы*; BOWLING SWEATER – *теплый свитер* и т.д. Использование данного паттерна характерно для перевода АНБ. В большинстве случаев в подобном способе перевода зависимого компонента НБ реализуется либо метафорическое значение, либо значение, нехарактерное для английского языка, либо автоматическое всплывание в памяти устойчивого сочетания слов. Использование подобных средств, которые в определенной мере отображают внутренние переживания и субъективность восприятия, свидетельствует о наличии ассоциативных процессов, которые могут быть как глубинными, так и поверхностными (как в случаях типа «горькие слезы»), что не было отмечено на первых этапах эксперимента.

Довольно часто при переводе АНБ обе группы ии. использовали конструкцию «отсубстантивное производное прилагательное + существительное», которая скорее характерна для перевода РНБ: SILK HAIR – *шелковые волосы* (значение первого компонента определяется как ‘сделанный

из...'). Тем не менее, при ближайшем рассмотрении таких переводов можно увидеть, что отсубстантивные прилагательные в данном случае выступают в той же роли, что и зависимый компонент в оригинальных НБ. Иначе говоря, первый компонент при переводе действует как источник ассоциаций, связанных с ним. С одной стороны, значение подобного НБ может быть определено как сумма значений компонентов (*шелковые волосы* – 'волосы, сделанные из шелка'); с другой стороны, такое образование может быть понято фигурально, при этом значение первого компонента будет ассоциироваться с наиболее характерным для него признаком (*шелковые волосы* – 'волосы, похожие на шелк'). Во втором случае идентификация значения будет предполагать наличие дополнительных процессов выделения, картирования и переноса признака, характерного для первого компонента, на ментальную репрезентацию концепта, представленного главным словом. Это явление может быть обусловлено семантикой компонентов сочетания, точнее говоря, их совместимостью. Таким образом, мы вышли на проблему когерентности/некогерентности, которая может рассматриваться в русском и в других языках.

Анализ полученных результатов выявил еще несколько интересных фактов. Например, Аии. при переводе применяли такой прием, как словосложение (RODEO MAGAZINE – *журнал-родео; ONION TEARS – *лук-слезун; BUTTERFLY BALLERINA – *бабочка-балерина; PIRANHA LAWYER – *пиранья-юрист; SHARK POLITICIAN – *акула-политик). Подобное словотворчество объясняется тем, что эта модель является одним из самых продуктивных способов словообразования в английском языке и, будучи таковым, имеет свои правила и законы. Эти правила не всегда полностью соответствуют правилам русского языка и не всегда полученные АК точно передают нужное значение. Если сравнить образования *журнал-родео* и *родео-журнал*, то понятно, что семантически они различаются, и в нашем случае второй АК соответствовал бы значению НБ более точно. Для строя русского языка, как и для английского, значимыми являются не только семантика компонентов АК, но и порядок элементов на уровне производного слова. Если рассмотреть такой АК, как *лук-слезун*, то становится очевидным, что в данном случае ошибочный перевод обусловлен недостаточной языковой компетенцией в русском языке, которая проявляется в неадекватном переводе. Если произвести трансформацию АК *лук-слезун*, мы получим конструкцию *лук, вызывающий слезы*, при этом главная смысловая нагрузка падает на первый компонент. Английский НБ ONION TEARS интерпретируется как '*tears caused by onions*' ('слезы, вызванные луком'). Трансформация демонстрирует неадекватность перевода, которая также проявляется в изменении когнитивной структуры понятия, названного НБ.

Что касается АК, использованных Ри. при переводе НБ, следует отметить, что в этой группе АК чаще использовались для передачи значения АНБ. В данном случае, вероятно, можно говорить о неудаче при выделе-

нии какого-то одного признака, как, например, в случае с SHARK POLITICIAN (*политик-акула*). АК, использованные Рии., построены в соответствии с правилами русского языка. В некоторых случаях можно говорить о выделении признака, когда первый компонент заменяется словом, несущим в себе или ассоциирующимся со значением признака (PIRANHA LAWYER – *адвокат-хищник*; BUTTERFLY BALLERINA – *балерина-пушинка*). АК, полученные при переводе АНБ, предполагают в процессе идентификации их значения в русском языке наличие тех же процессов и операций, которые необходимы для идентификации значения оригинальных единиц. Внутренняя структура АК раскрывается при его трансформации, которая выявляет наличие сравнения первого компонента со вторым (*адвокат-тиранья – адвокат, действующий/выглядящий, как тирания*). Перевод с использованием АК не дает ощущения законченности, но предполагает дальнейшую разработку смысла, что в той или иной степени позволяет провести параллели между АК в русском языке и НБ в английском языке.

Сходство соотносимых структур на семантическом уровне проявляется при их анализе с позиций лексической семантики [Pustejovski 1995; Апресян 1995]. Разложение семантических структур N+N образований русского и английского языков показывает их идентичность и на этом уровне. Рассмотрение так называемой квалитативной структуры (*qualia structure*) композитов, использованных ии. разных групп для передачи значения НБ, и сопоставление ее с квалитативной структурой предъявленных биномов с позиций теории Генеративного Лексикона Дж. Пустеевского дает основания утверждать, что соотносимые образования обоих языков характеризуются не только структурно-функциональным, но и семантическим сходством. То же отмечается рядом автором в исследованиях подобных структур итальянского и французского языков. Хотя этот подход не предназначен для объяснения процессов понимания анализируемых единиц, выявленное с его помощью семантическое сходство соотносимых образований в русском и английском языках можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу предположения об идентичности процессов, имеющих место при понимании N+N структур двух языков.

В процессе анализа АК, использованных разными группами ии., было выявлено, что Рии. чаще используют это языковое средство для передачи значения АНБ, тогда как Аии. значительно чаще использовали композиты для перевода РНБ. Такое различие в сфере применения этих языковых единиц свидетельствует о принципиально разных процессах, имеющих место при передаче значения НБ в сознании разных групп испытуемых, что, очевидно обусловлено тем, что язык перевода для одной группы является родным, а для другой – иностранным. Исходя из положения, что значение слова – это специфическая когнитивная структура, соотношение компонентов которой указывает на языковую/национальную специфику когниции, значение и функционирование композитов русского языка раз-

личны для разных групп ии. Это различие не только исходит из различий строев двух языков и функционирования подобных единиц в рамках каждого отдельного языка, но и показывает различия в экспликации одних и тех же единиц индивидами, принадлежащими к разным культурно-национальным сообществам.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, а также намечаются перспективы его дальнейшего развития.

В списке литературы приводится цитируемая в диссертации литература на русском и иностранных языках (158 источников).

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

А. Публикации в рецензируемых изданиях.

1. Тарасова Е.И. Использование композитов при переводе N+N образований // Вестник МГЛУ. – М., 2006. – Серия «Лингвистика». – Вып. 525 Языковое сознание как образ мира. С.197–204.
2. Тарасова Е.И. Когнитивная целостность при вербальной раздельно-оформленности (структуры N+N) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – №3. – С.109–118.

Б. Другие публикации.

3. Тарасова Е.И. Различные подходы к разграничению словосочетания и сложного слова // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С.140–146.
4. Тарасова Е.И. Некоторые новые подходы к проблеме цельнооформленности/раздельнооформленности языковых единиц // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С.123–128.
5. Тарасова Е.И. Теория ограничения vs теория двух процессов // Проблемы модернизации лингвистического образования в школе и ВУЗе: Сб. науч. тр. – Ульяновск: ООО «Издательский центр «Пресса», 2005. – С.54–61.
6. Тарасова Е.И. Опыт экспериментального исследования особенностей идентификации образований со структурой attribute+noun // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С.143–148.
7. Тарасова Е.И. Теория концептуальной интеграции применительно к словосочетаниям со структурой attribute+noun // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С.149–154.
8. Тарасова Е.И. Некоторые положения теории когерентности лексических единиц // Язык и текст в парадигмах науки и культуры: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С.119–123.

9. Тарасова Е.И. Теория когерентности лексических единиц // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.116–120.
10. Тарасова Е.И. Влияние дискурсивного контекста на понимание и интерпретацию словосочетаний со структурой А+N // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.120–125.
11. Тарасова Е.И. Встречная метафоризация при переводе N+N образований // Состояние и перспективы лингвистического образования в современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. Ред. А.В. Нагорная. Часть 1: Лингвистика. – Ульяновск: ООО «Студия печати», 2006. – С.69–73.
12. Тарасова Е.И. Некоторые вопросы перевода N+N образований // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 6. – С.149-154.